

ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

УДК 1 (091)

ИСТОРИСОФСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ Д. МЕРЕЖКОВСКОГО В ПЕРИОД ЭМИГРАЦИИ 1921–1941 ГОДОВ: В ПОИСКАХ ИИСУСА НЕИЗВЕСТНОГО

С.П. Бельчевичен

ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рассматривается историсофское мировоззрение русского мыслителя Д. Мережковского в период эмиграции 1921–1941 гг. В эмиграции в условиях приближающейся второй мировой войны русского мыслителя охватывают апокалипсические настроения. В круг его постоянных собеседников входят представители западной философии жизни, либеральной теологии, религиозного экзистенциализма. В начале 30-х гг. XX столетия Мережковский, полемизируя со своими учителями Ренаном, Штраусом, Бергсоном, Шпенглером, Унамуно, создает новую версию философии истории, основанную на экзистенциальном мироощущении и характеризующую особой апокалипсической тональностью.

Ключевые слова: русская религиозная философия, неохристианство, философия истории, экзистенциализм.

*Она не погибнет, – знайте!
Она не погибнет, Россия.
Они всколосятся, – верьте!
Поля ее золотые.*

*И мы не погибнем, – верьте!
Но что нам наше спасенье?
Россия спасется, – знайте!
И близко её воскресенье
З. Гиппиус [1, с. 100]*

Д.С. Мережковский – поэт, русский литературный критик, один из основателей нового религиозно-философского направления – неохристианства. 1905 год – важная веха в творчестве в русского писателя. Он не только окончательно переходит на позиции неохристианства, но и рассматривает события 1905 г., политический процесс в России сквозь призму революционного действия, часто называя себя «мистическим революционером». Мережковский в этот период своего творчества последовательно критикует самодержавие и русскую православную церковь, поддерживающую политический режим в России. По всей видимости, поэтому он восторженно принимает февральские события 1917 г., увидев в них исполнение своих религиозных пророчеств. Однако не все сбылось так, как того

хотел Мережковский, одна революция сменилась другой, принеся с собой гражданскую войну, разруху и голод.

Мережковский переживает острый духовный кризис, его предсказания сбылись, но каким образом! Смена режима в России, приход к власти большевиков означали для Мережковского едва ли не наступление Апокалипсиса. Зреет решение уехать. Сделать это в стране, объятай пламенем гражданской войны, было нелегко, ногодились старые связи. Благодаря ходатайству М. Горького, чета З. Гиппиус и Д. Мережковского получила разрешение выехать на фронт, как было сказано в сопровождающих документах, с целью чтения лекций о культуре Древнего Востока. И в декабре 1920 г. Мережковский и Гиппиус вместе с Д. Философовым и В. Злобиным перешли польскую границу в районе Бобруйска и вскоре оказались в столице Польши – Варшаве.

С самого начала они не скрывали своих антисоветских взглядов и видели спасение России в иностранной интервенции. Он создал для себя свой мир, там многого недоставало, но то, что ему необходимо, там всегда было. Его мир был основан на политической непримиримости к Октябрьской революции, всё остальное было несущественно – с этой ёмкой оценкой Н. Берберовой нельзя не согласиться [2, с. 264].

В течение нескольких месяцев пребывания в Польше Мережковский и Философов издавали газету «Свобода», участвовали в формировании русского отряда на польские деньги. Мережковский, как всегда, с успехом читал лекции в Вильно о творчестве Мицкевича, и, наконец, он добился аудиенции у главы Польского государства Ю. Пилсудского. Такковы главные вехи политической деятельности философа в Польше в 1920 г. Но разочарование наступило довольно скоро: не оправдали надежды русского мыслителя как деятельность председателя эмиграционного кабинета Б. Савинкова, так и польская армия, потерпевшая ряд сокрушительных поражений на Украине. Все эти обстоятельства предопределили отъезд Мережковских в Париж, где они прожили до самой смерти, почти его не покидая.

Для понимания эмигрантского периода деятельности Мережковского, в том числе литературной и философской, необходимо иметь в виду ряд обстоятельств. С одной стороны, все «вопросы эстетики, вопросы религии, политики, науки – всё было подчинено одному: чувству утери России, угрозы России миру, горечи изгнания, горечи сознания, что его никто не слышит в жалобах, проклятиях и предостережениях» [2, с. 264]. Действительно, эти мотивы преобладают в творчестве мыслителя с первых и до последних дней его пребывания в эмиграции. С другой стороны, он оказался, и прежде всего из-за своих политических взглядов, в полной изоляции. Правым не нравилось его скептическое отношение к белому движению, левым – его убежденность в необходимости иностранной интервенции. Трагедия Мережковского – трагедия всей русской эмиграции, утратившей Родину, так и не нашедшей себя на чужбине.

В целом зарубежное творчество философа получило весьма противоречивую оценку. Его многообразная художественно-философская проза, по мнению А. Соколова, значительно уступает прежним историческим вещам, отличается, по выражению критика, тяжеловесностью стиля и явной искусственностью, нарочитостью исторических стилизаций [3, с. 45]. Этой же точки зрения придерживаются и некоторые зарубежные критики. П. Струве, как бы обобщая ту оценку, что была дана работам Мережковского за границей, пишет: «Его упрекали за непонятность писаний, догматизм, излишнюю мистику» [4, с. 93].

Всё творчество Мережковского в эмиграции обычно делят на два периода: 1920-е гг. и конец 20-х – 30-е. Что характерно для первого периода? Революция 1917 г. переломила сознание философа: он звал ее, видел в ней религиозное, очищающее начало, но она принесла с собой уничтожение и забвение традиционных форм русской культуры. Поэтому можно понять пафос его рассуждений, когда он апеллирует к общественности Запада: «Сегодня мы, а завтра вы». «Гибель России всего лишь начало всеобщей катастрофы». Это главная мысль «Царства Антихриста» (1921) – первого за время эмиграции произведения Мережковского, состоявшего из статьи самого философа, дневника Гиппиус, работ Философова и Злобина. Книга была переведена на ряд европейских языков, но, к разочарованию Мережковского, не имела большого успеха.

К первому периоду эмиграции принадлежит также «Тайна трех ("Египет, Вавилон")» (1925). Мережковский постепенно отходит от условной формы исторического романа, но тем не менее темы исканий остаются прежними, как, впрочем, и учителя. Среди них философ выделяет тех, кто помогает ему «продираться сквозь мертвые дебри учености к живым родникам знания: из старых такие ученые, как Шапполион, Лепсиус... мудрецы и поэты – Гете, Шеллинг, Карлейль, Мицкевич, Гоголь, из новых – Ницше, Ибсен, Вейнинггер, Вл. Соловьев, Розанов и величайший из всех Достоевский. Не услышали их, и меня не услышать» [5, с. 22].

И это верно: что-то розановское слышится в том, как Мережковский решает «тайну трех»: «Два Завета, Первый и Второй противостоят в себе, но в Третьем согласуются. Первый Завет – Отца, Второй, – Сына, Третий – Духа-Матери» [5, с. 365]. Именно женское начало, по идее Мережковского, сможет решить проблемы современного ему общества, привнеся в него мир и гармонию. В книге Мережковский пытается не только решить проблему пола и показать идеал религиозного обновления, но и преследует иную цель: в древних языческих мистериях он небезуспешно отыскивает предвестия христианской веры. Древние формы самосознания интерпретируются философом в плане их близости к истокам первоначального христианства. Однако часто работа мыслителя прерывается болезненными, выстраданными замечаниями: «Я пишу по-русски, а России нет. Странно писать на языке страны, которой нет» [5, с. 65].

Почти одновременно, в том же 1925 г., Мережковский создает роман «Рождение богов». По своей идейной направленности он совпадает не только с предшествующим произведением, но и созвучен всей той религиозно-философской прозе, которая была опубликована мыслителем в последующие годы. Отметим еще одну характерную черту «позднего» Мережковского: работа буквально наполнена мистическими символами, усиливающими идею неизбежности прихода в мир Сына Человеческого. Поэтому становится более ясным, какое значение вкладывает философ в следующее по времени произведение «Мессия» (1927), где он по-прежнему занят поисками истоков первоначального христианства.

В 1927 г. состоялось еще одно важное событие: начала свое существование «Зеленая лампа» – литературное сообщество, действовавшее не столь долго, но привлечшее многих представителей эмиграции. Среди постоянных посетителей можно было видеть Н. Берберову, Н. Бердяева, И. Бунина, Г. Иванова, Н. Теффи, Ю. Терапиано, Л. Шестова и многих других представителей русской интеллигенции в эмиграции.

Конец 1920-х – начало 1930-х гг. – один из самых плодотворных периодов в творчестве Мережковского. За этот небольшой промежуток времени им были созданы произведения, о которых следует сказать особо, ибо они весьма симптоматичны для Мережковского как религиозного мыслителя неохристианского толка.

Внешне особняком от основной темы тех лет стоит роман писателя о Наполеоне. В первом томе Мережковский обрисовывает личность французского императора, во втором – дана его биография. В романе Мережковский анализирует различные полярности, составляющие основу внутреннего мира Наполеона. В толковании философа душа французского полководца находится во власти борющихся стихий. Он обнаруживает в ней как солнечную и лунную стороны, божественное и аполлоновское начала, так и некий мистический синтез мужского и женского. Отвечая на вопрос о роли личности в историческом процессе, Мережковский определяет гений Наполеона его природными данными, соединением противоположностей. Этим феноменальным даром русский философ объясняет все достижения французского императора в различных сферах деятельности: отсюда огромные потенциальные возможности Наполеона, его «бесконечный ум», «бесконечная воля». Мережковский приводит любопытные подробности, по его словам, Наполеон работает по пятнадцать часов в сутки и даже в минуту опасности интересуется искусством и наукой [6, т. 1, с. 106]. Итак, в повествовании мыслителя Наполеон является идеальной личностью, в которой гармонично соединяются различные полярности.

Логическим продолжением историософских идей теоретика стала его другая работа «Тайна Запада: Атлантида – Европа» (1930). В ней

философ предпринял попытку нарисовать достоверную картину исторического развития, понять смысл и направленность культурных процессов. Согласно автору, в мире изначально существует божественная идея, которая и есть первооснова всего сущего, и все последующее историческое движение заключается в её осознании. Происходит постепенное нарастание роли религиозно-духовного начала. Религиозность объединяет всё многообразие культурных феноменов, созданных человеком, в единый культурно-исторический процесс. Так существует и функционирует история.

Но все же центральной работой мыслителя, по мнению зарубежной критики, стал его труд «Иисус Неизвестный» (1932–1933). В ней окончательно складывается метод философствования Мережковского, его манера работы с культурно-историческими реалиями прошлого. История воспринимается русским мыслителем как некая мифоисторическая реальность. Создавая определенную систему культурных координат и размещая там основных действующих персонажей, Мережковский через их дальнейшую интерпретацию и экзистенциальное сопереживание создает собственную историко-философскую картину происходящего. Исторические взгляды Мережковского формируются в конструктивном диалоге с представителями западной философской традиции: Паскалем, Ренаном, Харнаком, Бергсоном. Но своё экзистенциальное звучание они приобретают благодаря Мигелю де Унамуно.

Ключевым термином в работе испанского мыслителя «Агония Христианства» (1924–1925), к которой Мережковский неоднократно обращался при написании «Иисуса Неизвестного», является понятие «агонии». Слово, в повседневности означающее «гибель», приближение смерти, в интерпретации Унамуно, получает совершенно иное звучание: «“Агония”, – поясняет он, – означает “борьба”. Агонизирует тот, кто живет в борении, кто вступает в борьбу с самою жизнью. И со смертью тоже» [7, с. 307]. «Агония Христа» у Унамуно и «Страсти Господни» у Мережковского, по сути, означают одно и то же: становление и существование Божественной Личности через искупление греховности и преодоление смерти. Мережковский сознательно экстраполирует мистический опыт «агонии» Христа на социальную жизнь современного ему общества, полагая, что оно могло бы пойти путем Иисуса и, подобно ему, преобразившись, вступить в царство Духовности и Святости, продолжив тем самым свое историческое существование.

В «Иисусе Неизвестном» в большей степени, нежели прежде, ощутимы апокалипсические настроения, философ рисует глобальные схемы общественного развития, размышляет о взаимосвязи трех человечеств, их духовном единстве. Однако в конце 1930-х гг. становятся очевидными определенные изменения в исторических построениях Мережковского. Теперь философ отходит от глобального конструирования мировой истории к ее более конкретному экзистенциальному

прочтению. Он полагает, что история осуществляется через культурных героев, способных кардинально изменить ход культурно-исторического процесса. Иллюстрируют это положение последние работы «Павел и Августин» (1937), «Франциск Ассизский» (1938), «Жанна д'Арк» (1938), объединенные общим заглавием «Лица святых от Иисуса к нам». Особое место среди работ последних лет занимает труд, посвященный Жанне д'Арк.

Жанна видится Мережковскому святой, посланной человечеству от Иисуса Неизвестного. «Я пришла от Бога, от св. Марии Девы и от всех Святых – от Церкви Торжествующей. Только ей одной я была и буду послушна во всем, что делала и делаю», – говорит Жанна [8, с. 17]. Она призвана воплотить в историческую реальность волю Бога: прекратить бессмысленную войну, освободить Францию от захватчиков. Французская героиня обладает чудесным даром, данным ей от Бога, умением убеждать сторонников в правоте своего дела, устрашать врагов, предвидеть будущее. Поэтому французы любят и боготворят ее, а англичане боятся и ненавидят. В книге Мережковский сознательно противопоставляет волевою, целеустремленную Жанну инертному, безвольному Карлу VII. Именно она убеждает дофина принять решения, способные изменить будущее Франции. Все свои поступки Жанна соотносит с высшей божественной волей, ведет свой собственный диалог с Богом. Мережковский показывает, что Жанна д'Арк свободна в своих исторических деяниях, но не оставлена Богом. Она, как об этом говорит русский философ, первоначально имманентно переживает опыт общения с Богом, а уже затем под влиянием абсолютного импульса творит мировую историю. Жанна близка к Высшим силам не только потому, что она побеждает врагов, спасает страну, выполняя свою историческую миссию, но и в силу особой духовной связи между ней и Богом. Жанна повторяет путь Христа, путь его страданий, смерти и воскресения: «Плачет, бьется головой об стену, рвет на себе волосы, царапает руками лицо. Это ли великая Святая, спасительница Франции? Да, это. Если бы не страдала, как все, – не могла жертвой быть за всех. Девы Жанны, “Дочери Божией”, Страсти подобны во всем – и в этом – Страстям Сына Божия: так же и она, как Он, “находилась в борении смертном”; так же у неё, как у Него, “был пот, как падающие на землю капли крови”» [8, с. 95]. Определяя сущность христианства с экзистенциальных позиций, Унамуно писал: «Христианство было культом Богочеловека, который родился, страдал, агонизировал, умер и воскрес из мертвых, чтобы передать свою агонию верующим своим» [7, с. 316]. «Эту “агонию” сознательно переживают все герои Мережковского, достигая при этом высшей цели – единения с Богом, что позволяет им обрести новые возможности в процессе культурного творчества», – справедливо замечает И.А. Казанцева [9, с. 74–83].

Но кроме религиозно-экзистенциальных мотивов в наследии русского философа отчетливо слышна и апокалипсическая тональность. Жанна и другие святые церкви в толковании Мережковского, – пророки из Третьего Грядущего Завета, Завета Духа, Духа Матери. «Дух – Свобода – Огонь»: в этом религиозном опыте уже почти геометрически для нас очевидно – Иоахим, Франциск и Жанна стоят на какой-то последней между двумя Заветами черте: между «вторым состоянием мира, водным» в Сыне, и «третьем огненным в Духе; на какой-то соединяющей их точке – последней Второго Завета и первой Третьего» [8, с. 21].

Религиозно-философская концепция Мережковского родилась в эпоху коренной ломки гуманистической традиции, социальных и политических катаклизмов. Важной вехой в становлении мировоззрения философа следует признать годы между двумя русскими революциями. В свете обновленного социального опыта он обращается к темам «религиозной общности», «революционной религиозности», которые впоследствии, в силу неприятия Мережковским идеей октябрьской революции 1917 г., были почти полностью им отвергнуты. В эмиграции в условиях приближающейся войны и собственной политической изоляции русского мыслителя охватывают апокалипсические настроения. В круг его постоянных собеседников входят представители западной философии жизни, либеральной теологии, религиозного экзистенциализма. Полемизируя со своими учителями – Ренаном, Штраусом, Бергсоном, Шпенглером, Унамуно, Мережковский создает новую версию философии истории, основанную на экзистенциальном мироощущении и характеризующую своей особой апокалипсической тональностью. Важное место в ней занимает христологическая проблематика. Находясь в «состоянии борения», «агонии» между жизнью и смертью и победив смерть, Христос тем самым указал путь спасения всему человечеству. Поэтому констатируя бездуховность современной цивилизации, её предполагаемую гибель, философ не исключает возможности духовного возрождения европейской культуры, основанного на свободном волеизъявлении индивида и обновлённых христианских ценностях. Мережковский говорит, что свобода человека приобретает подобающее ей смысловое наполнение лишь в совокупности с абсолютными ценностями, соединяющими воедино мир и придающими ему гармонию.

Список литературы

1. Гиппиус З. Стихотворения. Париж: YMCA-Press, 1984. 140 с.
2. Берберова Н. Курсив мой // Вопросы литературы. 1988. № 10. С. 233–280.
3. Соколов А.Г. Судьбы русской литературной эмиграции 1920-х годов. М: Изд-во МГУ, 1991. 180 с.

4. Струве Г.П. Русская литература в изгнании Париж: YMCA-Press, 1984. 426 с.
5. Мережковский Д.С. Тайна трех. Прага: Пламя, 1925. 295 с.
6. Мережковский Д.С. Наполеон: в 2 т. Белград: тип. М. Павленко и И. Попова, 1929. Белград. Т. 1. 170 с.; Т. 2. 259 с.
7. Унамуно Мигель де. О трагическом чувстве жизни. М: Символ, 1997. 416 с.
8. Мережковский Д.С. Жанна д'Арк. М: Международный Центр Рерихов, 1995. 109 с.
9. Казанцева И.А. Проблема культурного творчества в религиозной философии Д. Мережковского// Новое в психолого-педагогических исследованиях: науч.-практ. журн. № 4. М.: РАО, 2011. С. 74–83.

D. MEREZHKOVSKY'S HISTORIOSOPHICAL WORLDVIEW IN THE 1921-1941 EMIGRATION PERIOD: IN SEARCH OF UNKNOWN JESUS

S.P. Belchevichen

Tver State University (Tver)

The article is focused on D. Merezhkovsky's historiosophical worldview during the 1921-1941 emigration period. In exile, under the conditions of the approaching Second World War, the Russian thinker was strongly influenced by the apocalyptic mood. The representatives of western philosophy of life, liberation theology, religious existentialism constitute the constant circle of his thought partners. At the beginning of 30-ies of the 20-th century, Merezhkovsky gets in the debate with his teachers - Renan, Strauss, Bergson, Spengler, Unamuno - and creates a new version of philosophy of history based on the existential worldview and characterized by its specific apocalyptic coloring.

Key words: *Russian religious philosophy, neo-Christianity, philosophy of history, existentialism.*

Об авторе

БЕЛЬЧЕВИЧЕН Сергей Петрович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», Тверь. E-mail: belchev64@mail.ru

Author information

BELCHEVICHEN, Sergey Petrovich – Ph. D., Associate Professor of the Department of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University, Tver. E-mail: belchev64@mail.ru